

УДК 1(091)

КАКОЙ СОКРАТ? «ПОСЛЕСЛОВИЕ К «ДОСТОПАМЯТНОСТЯМ» БЛАЖЕННОГО СОКРАТА» И. Г. ГАМАНА

А. М. Стрельцов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
streltsov@mail.ru

Аннотация. Представлен перевод на русский язык и комментарий трактата Иоганна Георга Гамана «Послесловие к «Достопамятностям» блаженного Сократа» (Beylage zun Denkwürdigkeiten des seligen Sokrates) 1773 г., который до настоящего времени практически не освещался в историко-философской среде. Данное сочинение представляет собой завершающую часть своеобразной трилогии Гамана (первыми частями которой были «Сократические достопамятности» и «Облака», написанные, соответственно, в 1759 и 1760 гг.), посвященной сократической проблематике и интерпретации образа Сократа в контексте проекта Просвещения. В этом сочинении Гаман выступает против рационалистической трактовки Сократа деятелем немецкого Просвещения Иоганном Августом Эберхардом, отстаивая теологическую ортодоксию предшествующей эпохи.

Ключевые слова: Гаман, Эберхард, Сократ, Просвещение, естественная теология.

Для цитирования: Стрельцов, А. М. (2024). Какой Сократ? «Послесловие к «Достопамятностям» блаженного Сократа» И. Г. Гамана. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 49-66. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.49-66

WHICH SOCRATES? “SUPPLEMENT TO THE MEMORABILIA OF THE BLESSED SOCRATES” OF J. G. HAMANN

A. M. Streltsov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
streltsov@mail.ru

Abstract. Provided is translation into Russian as well as commentary of the J. G. Hamann’s treatise «Supplement to the Memorabilia of the Blessed Socrates» (Beylage zun Denkwürdigkeiten des seligen Sokrates) of 1773, which up to this time has not received sufficient treatment in the historical-philosophical research. This work represents concluding part of Hamann’s trilogy of sorts, which began with «Socratic Memorabilia» of 1759 and «Clouds» of 1760. The treatise deals with Socratic perspective and interpretation of the character of Socrates in the context of the Enlightenment project. In this work Hamann confronts rationalistic reading of Socrates by the Enlightenment follower Johann August Eberhard by means of maintaining theological orthodoxy of the preceding epoch.

Keywords: Hamann, Eberhard, Socrates, Enlightenment, natural theology.

For citation: Streltsov, A. M. (2024). Which Socrates? “Supplement to the Memorabilia of the Blessed Socrates”. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 49-66. DOI: 10.47850/RL.2024.5.3.49-66

Короткое и практически неизвестное сочинение И. Г. Гамана «Послесловие к «Достопамятностям» блаженного Сократа» примечательно в нескольких отношениях. Эта работа не только обогащает и дополняет наше представление о рецепции Сократа в европейской мысли, но также служит источником в области философии религии,

моральной и политической философии той же эпохи. Гаман, язык которого Кант называл иронически «божественным языком блуждающего разума», призывая его к формулировкам «обычными понятиями по логическим правилам» [Hamann, 1957, p. 82; Гильманов, 2013, с. 86], – исключительно трудный автор для чтения именно потому, что он выступал против претензии французских просветителей и их немецких эпигонов на сведение человеческого знания к отчетливым пропозициям, универсальным и абстрактным рациональным истинам. Именно в этой связи Гаман выбрал в качестве инструмента своей «метакритики» критического проекта Просвещения образ исторического Сократа, который, будучи объявлен Пифией мудрейшим из всех людей, сам о себе говорил, что ничего не знает. Сократическая интерпретация Гамана шла вразрез с духом эпохи, которая подчеркивала рациональное начало сократической мудрости против религиозного обскурантизма церковников, и в этом смысле его подход подвергнул сомнению конвенциональные трактовки Сократа.

Гаман начал думать о Сократе еще во время своего пребывания в командировке в Лондоне, во время которой произошло его обращение от идеалов рационализма к христианской ортодоксии предшествующей эпохи. Соответственно, Гаман бросил вызов тогдашнему обществу своим дебютным сочинением «Сократические достопримечательности» (*Sokratische Denkwürdigkeiten*), написанным и опубликованным в 1759 г. Практически сразу после этого последовало другое сочинение «Облака» (*Wolken*) в качестве иронического отклика на критику первого произведения. В Античности комедия соседствовала с трагедией [Brose, 2006, pp. 429-430], и именно так поступил Гаман в «сиквеле» к первой своей работе с очевидной отсылкой в самом названии к одноименной комедии Аристофана.

Творчество самого Гамана можно с некоторой долей условности разделить на три этапа [O’Flaherty, 1979, pp. 29-30]. В течение первого этапа его творчества были написаны первые два сочинения, а обсуждаемая здесь работа относится ко второму периоду. В промежутке Гаман взял некоторую паузу, чтобы заняться семейными делами: в это время он заключил «брак по совести» со служанкой его отца, женщиной крестьянского происхождения Анной Региной Шумахер, результатом которого явилось рождение нескольких детей.

Возвращение Гамана к теме Сократа было вызвано внешними обстоятельствами. В принципе, все его сочинения представляют собой реакцию на внешние «раздражители», и наше сочинение здесь отнюдь не является исключением из правил. В данном случае непосредственной причиной явилось сочинение придворного берлинского вольфианского проповедника, ученого теолога и философа Иоганна Августа Эберхарда “*Neue Apologie des Sokrates*” 1772 г. [Eberhard, 1772], явившееся квинтэссенцией рационалистической трактовки Сократа в немецкой среде. Гаман не мог оставить этот очередной вызов без ответа. В некотором смысле он уже высказался насчет Сократа в начальной фазе своего творчества. И, несмотря на своеобразие стиля, его интерпретация в целом была понятна: «Незнание есть одновременно грех и мудрость. Оно есть превращение всего человека в ничто и в то же время смерть, которая должна предшествовать истинной жизни. Это парадокс, на который Гаман постоянно указывал философам Просвещения, которые воображали, будто они могут проложить путь к Богу посредством метафизических конструкций» [Leibrecht, 1958, p. 167]. Для Гамана Сократ представляет собой финальную стадию движения человеческого разума на пути самопознания, нуждаясь для водительства во внешнем гении (*Genius*). Эберхард категорически не принял такое прочтение Сократа. Большая часть его работы,

о чем свидетельствует и ее подзаголовок, посвящена вопросу спасения язычников, превосходным моральным образцом которых выступает Сократ. Возможное спасение язычников обсуждалось в кругах деятелей Просвещения больше с подачи теологов, хотя исследователь рецепции Сократа в XVIII столетии Бенно Бем отмечает, что просветители-философы также не отказывались от рассмотрения этого круга вопросов [Böhm, 1966, p. 154].

Если Сократ способен должным образом выстроить свою жизнь на основании правильного употребления разума, то внешнее религиозное откровение представляется избыточным. В задачу Эберхарда входит реабилитация Сократа от возможных моральных инвектив: «Я считаю, к чести человечества, что человек может предаваться противоестественной похоти только при определенных обстоятельствах, и ни одним из этих обстоятельств не была затронута справедливая, чистая, просвещенная и свободная душа Сократа» [Eberhard, 1772, p. 511]. Гаман же, в свою очередь, совершенно не стремился обелять Сократа в его произведении, но спокойно допускал наличие у него пороков [Hamann, 1950a, pp. 67-68].

Согласно интерпретации Бема, Эберхард обрушивал критику, с одной стороны, «на Эпикура как представителя механико-материалистического взгляда на Сократа», а с другой – на христианскую ортодоксию [Böhm, 1966, p. 226]. Себя самого Эберхард причислял к просвещенным почитателям Бога, которые при этом желают иметь свободу пользоваться своим разумом.

Обе стороны – Эберхард и Гаман – использовали образ исторического Сократа, чтобы сказать то, что напрямую они сказать не могли или не хотели. Философия здесь переплеталась с теологией, история с моралью. Интересно, что у Эберхарда учился Фридрих Шлейемахер, ставший далее нормативным переводчиком Платона на немецкий язык, а заодно и основоположником либеральной протестантской теологии XIX в. Хотя к моменту первого своего сочинения о Сократе Гаман еще не читал самого Платона, полагаясь скорее на биографические сведения о Сократе в переложении французских и немецких авторов, к моменту написания «Приложения» он познакомился с основными диалогами, которые читал на древнегреческом. Впрочем, это никак не изменило его трактовки Сократа.

В критическом собрании сочинений Гамана, выполненном Йозефом Надлером, «Приложение» поставлено в раздел «История религии» [Hamann, 1951b, pp. 111-121]. В этом смысле Надлер отделяет эту группу работ от сочинений более позднего периода, которые он относит к разделу «Разум» (также и две ранние работы Гамана о Сократе помещены им в предыдущем томе в раздел «Философия»). Однако такое распределение трактатов Гамана имеет немалую долю условности. Одной из главных черт творчества Гамана является холистичность: он говорит понемногу едва ли не обо всем сразу. Еще Гете отмечал соединение разрозненного как основной принцип организации мысли Гамана [Гете, 1976, с. 433]. В этом смысле наша трактовка настоящего произведения Гамана подразумевает, что его нельзя свести к религиозной или теологической проблематике, но что оно затрагивает широкий спектр тем, актуальных для эпохи просвещенного абсолютизма.

С точки зрения стиля Гамана все детали оформления его работ имеют значение. Как известно, Гаман писал под псевдонимами. Дебютное сочинение о Сократе он иронично опубликовал будто бы в Амстердаме, месте творчества основоположника библейской критики Спинозы и в целом цитадели континентального свободомыслия. Новая же работа написана от лица «священнослужителя в Швабии» и напечатана в Галле, где Эберхард учился у Вольфа. С нашей точки зрения, Гаман не просто хотел максимально скрыть свое авторство

под новой маской, перенеся место печати как можно дальше от Кенигсберга, как утверждает Йозеф Надлер [Nadler, 1949, p. 223]. Швабия была выбрана как обитель людей простой и чистой веры, максимально далекая по духу от берлинской академии. Вюртемберг был одним из важнейших центров пиетизма, как и университет Галле. Главным же городом исторической Швабии был имперский Аугсбург, место, где в 1530 г. было представлено основное вероисповедание Лютеранской церкви, и именно на этом содержится аллюзия в самом названии. Гаман, таким образом, обращает против Эберхарда – друга и соратника известных берлинских просветителей Моисея Мендельсона и Фридриха Кристофа Николаи – орудие той самой веры, которую тот должен формально представлять. По этой же причине Гаман пишет от лица проповедника. Берлинскому статусному проповеднику должен был возражать проповедник же.

Типичный «эзотерический» характер произведения выбран неслучайно и соответствует всей программе действий Гамана, в публичном творчестве которого тексты требовали от читателя «продираться» сквозь заросли его конструкций.

Тезисно мысль Гамана можно представить следующим образом. Во-первых, Гаман жестко высказывается против идеологической составляющей системы просвещенного абсолютизма Фридриха Второго. Используя иронию как свой коронный прием, он показывает, что вещи не таковы, какими кажутся. Несмотря на провозглашение толерантности, именно королевский палач кинул в костер негодную королю книгу, написанную философом, которым Фридрих ранее восхищался [Hamann, 1951b, p. 115]. Конечно, государственный служащий Гаман, получивший за несколько лет до того место мелкого чиновника по протекции Канта, вынужден выражаться осторожно (более раскованно он будет говорить в написанном тогда же на французском языке трактате “Au Salomon de Prusse”), но в целом его интенция считывается без особых проблем.

Далее, Гаман пытается оставить место для традиции. Он словно пытается сказать современникам и соотечественникам: остановитесь. Отказ от Бога и церковной ортодоксии, опора исключительно на разум, на собственные силы, не доведет вас до добра. Будет противоположное тому, что декларируется. Вместо (веро)терпимости (Toleranz – слово встречается в работе 5 раз) будет новая и другая тирания и диктатура, когда будет дозволено только то, что не противоречит новым установкам. Декларируя свободное употребление разума, более радикальные представители прусской просветительской программы стремятся создать новый догматический корпус, который исключал бы представление о Боге как Троице в смысле Никейского символа и учение Августина о спасении [Hamann, 1951b, p. 118].

Изнанкой декларируемой гиперрациональности выступает иррационализм масонской ложи. Претензия Гамана к программе действий, реализации которой служит «Новая апология», заключается в том, что он фиксирует содержательное изменение языка: под теми же самыми словами понимаются новые вещи. Гаман, в частности, предлагает Эберхарду перестать притворяться и заменить уже слово «церковь» на другое, более подходящее его актуальной системе, такое как башня, ложа или пифагорейское *ὄψακοεῖον* [Hamann, 1951b, p. 116].

Одна из ключевых мыслей Гамана выражена ближе к концу работы: говоря о «спасении язычников», автор Новой апологии скорее говорит об оправдании современных представителей свободомыслия *coram deo* на основании универсальной рациональности и морали [Hamann, 1951b, p. 119]. Разговор тогда идет не о предшественниках христианства,

а о современниках: надо ли по-прежнему полагаться в вопросах веры и морали, и общественного порядка на откровение свыше, на спасение *extra nos*, или же предпочесть свободное употребление своего ума любым авторитетам прошлого?

Гаман выражает претензии к новой догматике, новому вероучению, которое он ассоциирует с институциональным проектом Просвещения, литургическому выражению этой догматики (как это отражается на богослужениях, гимнах, произносимых проповедях) и, наконец, образованию или педагогике. Последнему, а именно акценту на традиционном катехизисе, уделяет особое внимание наш западный коллега в своей недавней магистерской работе [Shemwell, 2024, p. 191], нам же представляется, что это только одна из граней гамановского дискурса.

* * *

На русском языке данный текст публикуется впервые. При переводе помимо самого немецкого текста мы также сверялись с итальянским переводом [Pupi, 1998, pp. 291-298] и неопубликованным еще переводом на английский [Shemwell, 2024, pp. 155-162]. Перед переводчиком Гамана обычно встает дилемма, как поступать с другими древними и современными языками, которые он в изобилии использует в своих трактатах. В нашем случае речь идет о древнегреческом, латинском и английском языках. Поскольку Гаман плотно работает с ассоциативным рядом читателя, сноски и ссылки имеют большое значение; было решено оставить эти тексты на том языке, на котором Гаман их приводит, а перевод привести уже в примечании. Это позволит читателю лучше оценить пафос данного труда. Более всего в этом произведении Гаман цитирует Горация. В программном труде 1762 г. “*Aesthetica in nuce*” Гаман изрек одну из более известных своих сентенций: “*Poesie ist die Muttersprache des menschlichen Geschlechts*” [Hamann, 1950c, p. 197]. Подстрочные примечания принадлежат самому Гаману. В концевых сносках дается наш фрагментарный комментарий, а также перевод с других языков. Во всех случаях на русском языке стихи Горация приведены в переводе А. А. Фета, который местами может уступать многочисленным конкурентам в точности передачи мысли, но выигрывает в эстетике. Также по возможности были сохранены особенности пунктуации и стилистики Гамана в оформлении текста.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОСТОПАМЯТНОСТЯМ БЛАЖЕННОГО^I СОКРАТА

от священнослужителя в Швабии

... cui placet impares

Formas atque animos sub iuga aenea

Saeuo mittere cum ioco^{II}.

Второе издание

Галле, 1773 г.

IOVI. PLVVIO

D. D. D.

FRA. PLVTO^{III}

Если жив еще анонимный автор «Сократических достопамятностей», изданных четырнадцать лет назад в Амстердаме, то он тем менее будет пренебрегать настоящим приложением к его страницам^{IV}, что оно посвящено маленькому очерку «Новая апология Сократа», автор которого явил миру все свое имя и характер.

Первого писателя упрекали, возможно, не без оснований, в том, что он испортил свой ум и вкус чтением рыцарских романов и книг^V, и он весьма двусмысленно защищался от этого обвинения в послесловии^{VI}, которое, насколько мне известно, осталось относительно неизвестным в Швабии^{VII}.

Если же новому апологету Сократа выпадет участь подобного осуждения, и он станет сомучеником^{VIII} сочинителя «Достопамятностей», я истинно! не знаю о том, как он сможет оградить себя от прозвища сократического Дон-Кихота, к которому незначительный аноним был бы в большей степени равнодушен, нежели известный Берлинский проповедник^{IX}, тем более что последний в начале своей новой Апологии с таким же восторгом говорит о превосходном философском романе, как впоследствии о светлейших добродетелях блуждающего рыцаря, образцовом странствовании Баярда без страха и упрека и т. д.

Я бы выказал слишком явно то своеобразное остроумие, что обычно ставят в упрек моим соотечественникам, если бы имел хоть малейший умысел сравнить «Новую апологию» с «Достопамятностями», так как эти два писателя никак не соотносятся между собой ни по размеру, ни по силе, и столь же отличаются по замыслу и тону, как сама «Новая апология» от тех двух аттических документов, которые оба величайших ученика и соперника сократической мудрости^X завещали всем ее любителям не только к посмертной славе своего друга и учителя, но и к вечному позору своего века и отечества^{XI}, которое, должно быть, столь же славилось своей «чистой философией, тончайшим вкусом и величайшим знанием морали, политики и истории», как и восемнадцатый век от рождения Христова, а также наихристианнейший суд в протестантской Германии^{XII}.

Несмотря на огромную разницу, все три Апологии, как мне представляется, все же сходятся в том, что как те две древнейшие не смогли помешать временному осуждению Сократа в Афинах, так и недавней едва ли удалось добыть законное решение насчет причисления его к сонму праведников в Голландии, подлинной арене священной борьбы^{XIII}.

Один молодой виртуоз по моему соседству^{XIV}, которому я столь же доверяю в вопросе совести, как и во вкусе, потому что он словно сочится^V начитанностью^{XXV} и в сократических речах весьма начитан, и при этом не распробовал еще ни одну теологическую систему нового либо старого стиля^{XXVI}, хотел меня весьма торжественно уверить, «что невинность,

¹ Non ille, quamquam Socraticis madet

Sermonibus, se negliget horridus. (Horat. Lib. III. Od. 21)

² ... est mortuus, in quo fateor vulgi iudicium a iudicio meo dissensisse; nam populo non erat satis vendibilis: praecipue quaedam, et cum id circo obscura, quia peracuta, tum rapida et celeritate coeacta oratio; sed neque verbis aptiorem cito alium dixeris, neque sententia crebriorem. (Cicero in Bruto 76)

³ Heu! Cicatricum et sceleris pudet

Fratrumque... (Horat. I. Od. 35)

⁴ ... Сесропiae domus

aeternum opprobrium (Horat. IV. Od. 12)

⁵ madet, μυραλοφεῖ.

⁶ ἀνεγκωκῶς τὰ Σωκρατικά ὡς Σωκρατικά. (Epictet. Arrian. III. cap. 23. P. 321)

⁷ Quamquam sidere pulchior

великодушные и святость Сократа сверкали в двух древних Апологиях, особенно в кратчайшей из них, подобно молнии, в «Новой апологии» же, напротив, благочестивейший мудрец Греции вышел таким подозрительным, будто он прозевит наших современных острословов и моралистов, которые подобно блуждающим рыцарям обходят ледяные моря и песчаные пустыни^{8xvii}, чтобы сделать своих неопитов Царства Небесного вдвое смешнее себя самих...»^{xviii}

Поскольку верные соседи, по известному толкованию Молитвы Господней, входят в хлеб насущный, а власти в Швабии заботятся так же мало о молитвах, как и символах веры христианских общин и их пастырей, а вместо этого о совсем других вещах, – но все с катонской^{9xix} мудростью и добротой – так что я сносил обильную критику моего ближнего с приличием философско-христианской терпимости. Но чтобы он хоть немного осознал молчаливое торжество моего самообладания и преодоления себя, я вместо ответа пропел следующие строфы нашего сердечного поэта:

... et mihi dulces
 Ignoscent, si quid peccaro, slultus, amici
 Inque vicem illorum patiar delicta libenter^{xx}.

Затем мой юный виртуоз взялся всерьез обосновывать свое восторженное суждение обо всех трех Апологиях блаженного Сократа доводами и цитатами. В этом случае я убедился в пользе терпимости ко всем тем, кто неправ, не зная или не желая этого знать. Эта модная героическая добродетель проповедуется, конечно, не напрасно, сколь бы несвоевременным ни выглядело рвение к ней и насколько бы излишней она ни казалась для утонченной флегматичности нашего времени, поскольку на протяжении уже более тридцати лет среди столь многих распутных, богохульных и постыдных книг, которые в этой земле поняли, но мало читали и еще менее ими восхищались, насколько мне известно, майстер Хеммерлинг^{xxi} принес в жертву лишь одну-единственную короткую, безобидную страницу^{10xxii} – причем не в Швабии.

Вкратце, мы расстались хорошими друзьями и верными соседями после того, как вдоволь нашутились о фанатичной неприязни святого Велизария^{xxiii} к бедным скифам, гуннам, болгарам, славянам, персам и всем внешним и внутренним врагам выродившегося и устаревшего Рима на Востоке, выраженной в конце четвертой главы той кисло-сладкой

Ille est, tu leuior cortice et improbo

... Iracundor Hadria

Tecum viuere amem, tecum obire libenter. (Horat. III. Od. 9)

⁸ ... libens

Insanientem navita Bosporum

Tentabo, et arentes arenas

Litoris Assyrii viator. (Horat. III. 4)

⁹ Quidam notus homo quum exiret fornice:

„Machte

Virtute esto“ inquit sententia dia Catonis

„Nam simulac venas inflauit tetra libido

Huc iuuenes aequum est descendere, non alias

Permolere uxores.”(Id. I. Sat. 2)

¹⁰ Akakia.

или, лучше сказать, слезливо-комической сказки^{XXIV}, которая так же мало достойна анафемы слепой Сорбонны, как восторгов протестантских проповедников в Голландии и Германии, разве только заслуживает жалостливой улыбки в отношении горделивой нищеты познаний софистов и эрудитов, а также моральных чувств и суждений о христианстве, с которым плохо обращаются его сторонники и противники^{XXV}, а оно должно расплачиваться и проливать кровь за тех и за других^{XXVI}.

Поскольку некоторым моим соотечественникам может показаться странным, что новый апологет Сократа временами и слишком часто поносит интересы священства и священнического сана, считаю своим долгом отметить, что наши новейшие философы и теологи, предпринимающие реформацию старомодного лютеранства под эгидой толерантности, пытаются отрекомендовать и выразить свой вкус посредством весьма политизированной святости^{XXVII} в употреблении речи^{XXVIII}. Вследствие их обновленного стандарта языка вместо двусмысленного и варварского слова «церковь» вскоре придется говорить «башня» или «ложа» или ὄμακοεῖον^{XXIX}, так же как жестокое имя священника, имеющее отношение не к чему иному как кровавым жертвоприношениям, по-прежнему обособлено для жестокого язычества и еще более ненавистного иудаизма^{XXX}; между тем попы, разумеется, имеются в папстве и в Священной Римской империи, но, слава Богу!, в Швабии нет еще наглых и вероломных проповедников нехристианской праведности, которая была бы действительна перед Богом^{XXXI}.

Помню, несколько лет назад я читал весьма назидательное наставление автору, которое, возможно, написал покойный граф фон Цинцендорф^{XXXII} во время своего пребывания в Англии. Насколько я еще вспоминаю из этого наставительного сочинения, которое, кажется, перевел один из моих соотечественников, главное намерение автора сводилось к сумасбродной идее «сделать всех начинающих писателей голосами вопиющих в пустыне и в то же время учениками катехизиса, подвергнув их более суровой диете, чем у анахоретов, и более беспощадному суду, чем инквизиция», – все это автор умел вывести не совсем из Библии, но, по крайней мере, из маленького прорицания Дельфийского оракула. В его глазах «всякий heluo librorum^{XXXIII} был проклятым попом чрева, который без поста, наказаний и обращенного на самого себя насильственного действия палача» (не буквально, как распинали, калечили и насиловали свою плоть невежественные и честные отцы церкви за их греховную похотливость в отношении азиатских блюд цицеронова красноречия и нечестивой щепотки соли Плавта) «едва ли способен к проповеди трезвого разума и здоровой морали, потому что в лихорадочных пароксизмах воображения, испорченного грубостью, метеоризмом, materia pessantī и горькой желчью, боготворит всякий предрассудок, всякое заблуждение, всякий блуждающий огонек как Дульсинею своего сердца» и со слепой священнической яростью^{XXXIV} приносит в жертву собственное существо и жизнь пустому призраку или метеору разума и добродетели^{XXXV}.

¹¹ – intra muros – et extra (Horat. I. Ep. 2)

¹² ... populumque falsis

Decocet vti

Vocibus... (Horat. II. Od. 2)

¹³ Τὴν ἐκκλησίαν τὴν νῦν οὕτω καλοῦμεν, τὸ παρὰ (Πυθαγόρα) ὄμακοεῖον αἰνίττεται. Clem. Alexandr. Stromat. Lib. I. p. 302. Eusibius. Pythagoras. Hierocles.

Хотелось бы, однако, чтобы евангелический проповедник^{14XXXVI} предпочел вообще не комментировать пятнадцатую главу философского романа^{XXXVII}, если о спасении и так уже богатых разумом и добрыми делами язычников нельзя утверждать более искусно иподобающе, чем за счет наших бедных отцов лютеранства, против которых наш новый апологет, кажется, настроен почти так же, как его святой Велизарий против тех скифов, гуннов, болгар, славян, персов и прочих врагов римского имени и римской добродетели, тени которых слепой нищий, наверное, видел в своем мозгу¹⁵, между тем как его набожные слушатели и современники, лучше знавшие его^{16XXXVIII} и мир, так искренне смеялись над его святыми речами, пока переодетый Юстиниан был вынужден рыдать, подобно тому как в Швабии многие благочестивые читатели новой апологии пожмут плечами в связи с суетностью догматического и полемического разума и его преувеличенной моральной чувствительности^{XXXIX}.

В общем, в характере их современных законодателей и апологетов совсем отсутствует «точнейшее отражение толерантности до мельчайших деталей». Это прославленная добродетель обычно имеет в своей основе тайную личность, которая, хотя и говорит языком слепых нищих и еще более слепых их поводырей^{17XL}, «представляет собой весьма естественное ощущение и бессилие нашей природы, но в общественном деле и в общественном месте она должна быть ужасным преступлением против оскорбленного человечества», потому что такая толерантность, должно быть, есть следствие нашего вкуса настолько же темного, как и предвзятого в отношении некоторых идолов и коньков, которые, согласно словоупотреблению их владельцев, называются основополагающими истинами либо моральными убеждениями, бесконечно глубоко переплетенными в нас наряду с безднами божественного промысла.

Сюда относятся забавные принципы, согласно которым человек верит, что, хорошенько употребив свои ноги, сможет запрыгнуть на небеса; что одно лишь только удаление препятствий высвободит место для другой действительности, и что все спасение человеческой души заключается в беспрепятственном проявлении ее деятельности; эти гигантские сомнения против афанасьевской системы и африканской догмы удовлетворения через посредника^{XLI}; эта жалкая болтовня о благодати, первородном грехе и других подобных непонятных искусственных терминах, которые приводят в замешательство непонятливых и легкомысленных людей, как и другие писания; то отстаивание божественных свойств и их морального превосходства; эта превосходная,

¹⁴ Anciliorum et nominis et togae

Oblitus, aeternaeque Vestae. (Horat. III. Od. 5)

¹⁵ То, что у святого Велизария случались приступы лихорадки, следует среди прочего из его привычки мысленно поминать на заутрене блаженную память Тита, Траяна, Антонинов и так далее.

¹⁶ Sed videt hunc omnis domus, et vicinia tota

Introrsus turpem, speciosum pelle decora.

„Nec furtum feci, neque fugi” si mihi dicat

Seruus: „Habes pretium, loris non vteris“ aio.

„Non hominem occidi”: „Non pasces in cruce coruos”.

“Sum bonus ac frugi”: Renuitque negatque Sabellus. (Horat. I. Ep. 16)

¹⁷ Belisaire, S. *Paris* 762. Chap. VII. P. 74 et de la Gloire. P. 302.

но – увы! – слишком романтическая теория законов и наказаний наряду с сотней мелочей, которые я хочу считать не более, чем солнца Млечного Пути или крупинки моей песочницы...

Некий доктор Саут^{XLII} нашел в Ксантиппе образ еврейского народа, так же плодovitого на улаждающих слух и несущих вздор болтунов, не имевших вкуса ни к тайнам Писания, ни к силе Божьей, моральных ханжей и фанатиков, как было в сократическую эпоху в Афинах и в восемнадцатом веке от Рождества Христова. А покойный Энтони Коллинз^{XLIII} в своем скучном и ученом послании о церковной истории известной секты даже представил Сократа ее предшественником. Согласно этой остроумной гипотезе, несколько холодно воспринятой^{18XLIV} в те времена невежества, в новейшей апологии Сократа обсуждение должно быть не столько о спасении язычников, сколько о спасении свободомыслящих, что в действительности есть ни чудо, ни что-то значительное. Разве они не апостолы Христовы? Разве они не пророчествовали его именем? Разве не изгоняли его именем сильных духов? Разве не запрещали в Иисусе, которого проповедовал Павел, дьявольские обычаи? Разве они не ангелы света, обладающие самым точным, правильным, ясным и живым пониманием элементов и моментов добрых дел? Разве их единственная мерная рейка высшей геометрии не на ладонь длиннее обычного локтя, а измерительный стол недостаточно широк, чтобы разместить протяжение и очертание ясно распознаваемых величин, которые действительно могут быть устроены со всеми их силами тела и души и даже внешним образом в граде Божьем? Разве они не убеждены и не преисполнены святостью собственных дел до самой сокровенной глубины своих преувеличенно чувствительных сердец? Разве они не первоклассные писатели, не увековечивающие в своих изысканиях никаких грубых представлений, и от которых народы Германии ожидают наилучшего воспитания? Разве они не являются носителями просвещенной этики, способствующей религии? Разве пятновыводители для народного образования не великолепны и отличны? Да, более того, разве они не проповедники праведности, конец которой будет по делам их?...

Non haec iocosae conueniunt lyrae
Quo, Musa, tendis? Desine, peruicax
Referre sermones DEORVM et
Magna modis tenuare paruis^{XLV}.

Horat. III. Od. 3

Напоминание

Я тысячу раз прошу прощения у духа Цинцендорфа за то, что отнес на его счет работу покойного графа Шефтсбери^{19XLVI}. Чтобы как-то практически обыграть для своих читателей эту ошибку, знанием о которой я обязан своему сократическому ближнему, я осмелюсь высказать новое предположение, согласно которому разум и добродетель, имя которых должно быть почитаемо каждым человеком, посредством великих глашатаев разума

¹⁸ ... if ever man deserved to be denied of the common benefits of air and water, it is the Author of „Discourse of Free-thinking”. The Guardian. No. 3. ὅσοι δὲ σώζονται νῦν ἐκ φιλοσοφίας, διὰ τὸν Σωκράτην σώζονται. Julianus ad Themistium. P. 264.

¹⁹ Inter Socraticos notissima fossa cinaedos. (Iuu.)

и добродетели и невежественно отстаивающих их честь апологетов, скоро станут столь же двусмысленными, подозрительными и смехотворными, как библейские лозунги гернгутеров, содержание^{20XLVII} которых должно быть священным для каждого христианина от римского императора до слепого нищего, если только они не желают быть виновными в весьма элементарном, если не сказать, аморальном, невежестве. Не хочу говорить с моими читателями как с духовными лицами, и всячески полагаюсь на то, что также и среди моих соотечественников, столь усердно послуживших церковной истории разума и морали, имеются еще благочестивые и проникательные теологи, которые знают, как преумножать талант к наблюдению и философии без того, чтобы выставлять напоказ клеймо голландского мыловара...

Янг, пошедший на грубость обвинить в близости с человеческим родом высокомерного лживого духа, от красот и тайных чар которого так чувствительно и похотливо светятся многие нынешние теологи и философы, прямо как допотопные дети Божьи^{XLVIII}, – Янг, говорю я, бывший, хотя и горьким другом, но все же всегда другом морали, воспел по-горациански настойчиво:

Talk they of morals? O Thou BLEEDING LOVE!
 Thou maker of *new* morals to mankind!
 The *grand morality* is love of THEE.
 “As wise as *Socrates*” if such they were,
 (Nor will they ’bate of that *sublime renown*),
 “As wise as *Socrates*” might justly stand
 The *definition* of a *modern Fool*.

The Christian Triumph^{XLIX}

Примечания

^IПоскольку очерк написан в ответ на «Новую апологию» Эберхарда, который на примере Сократа обсуждает вопрос о спасении язычников, наименование Сократа «блаженным» здесь имеет отчетливый привкус Гамановской иронии.

^{II} – неравных

И телом, и душой вязать одним ярмом

В игре причуд жестоконравных (лат.). (Horat. Lib. III. Od. 31)

^{III} «От ниспосылающего дождь Юпитера

дано и посвящено в качестве дара

брату Плутону» (лат.).

^{IV} Хотя премудростью Сократа благочинной

Он славен, но найдешь ценителя ты в нем (лат.).

^V В «Облаках» (Wolken) 1760 г. Гаман приводит мнение анонимного критика, обвиняющего его в том, что прочитанные им книги так же повлияли на него, как рыцарские романы на Дон Кихота [Hamann, 1950b, p. 89].

²⁰ ... Quod

aeque pauperibus prodest, locupletibus aequae,

aeque neglectum pueris senibusque nocebit. (Horat. Ep. I. 1)

^{VI} В «Облаках» Гаман отвечает анонимным критикам, написавшим разгромную рецензию про его первое сочинение о Сократе. В ней Гаман отстаивает свою интерпретацию Сократа и в особенности роль его даймона или гения, в то же время защищаясь сам от обвинений в безумстве.

^{VII} «... он умер ... Мое о нем мнение, признаюсь, расходится с мнением толпы: народу его речь не слишком нравилась, так как была слишком стремительной и потому неясной не только из-за своей чрезмерной тонкости, но из-за быстроты произнесения. Однако я с трудом бы назвал другого оратора, превосходящего его по точности слов и обилию мыслей; вдобавок, он был знатоком словесности» [Цицерон, 1972].

^{VIII} Увы! Нам стыдно ран, нам стыдно преступленья

Брато... (лат.)

Еще один образец гамановской иронии. Эберхарду как придворному проповеднику Фридриха II, очевидно, ничего не угрожает. Себя же Гаман ставит в одну линию с Сократом, принявшим благородную смерть за свои убеждения и образ жизни, и Христом.

^{IX} Один из излюбленных приемов Гамана – обращать оружие противника против него же самого. Гамана его оппоненты полагают фанатиком, энтузиастом. В ответ он подразумевает, что они сами, полагаясь на абстрактные универсальные истины разума, отрываясь от конкретной имплементации разума в истории и традиции, виновны в том, что предъявляют ему. В дальнейшей деятельности Гаман будет подобным образом трактовать критического Канта, которого парадоксально назовет «мистиком».

^X Очевидно, Платон и Ксенофонт. В представлении Лосева: «Сократ – одно из самых загадочных явлений античного духа, что объясняется переходным характером его философии. Невозможно представить себе его личность столь наивно, как это делали Ксенофонт и Платон. В нем чувствуется что-то очень непростое, очень извилистое; в сущности, он и до сих пор остался непонятым, как непонятна его казнь, производящая такое впечатление, что не афиняне его казнили, а сам он заставил их себя казнить [Лосев, 2000, с. 57]. Ср. с описанием Гамана в «Сократических достопамятностях»: «В сочинениях Ксенофонта господствует суеверное почитание Сократа. Платону больше свойственно восторженно-романтическое отношение к учителю» [Гильманов, 2003, с. 427].

^{XI} ... стыд [вечный]

Кекропсову дому (лат.)

^{XII} Позор философски утонченных Афин в том, что Сократ был несправедливо осужден на смерть. Гаман говорит это вопреки Эберхарду, который сокрушается о том, что «наше теологическое здание возводилось без «чистой философии, вкуса, знания истории человеческого разума» [Purі, 1998, р. 505].

^{XIII} «Новая апология» Эберхарда не имела шансов убедить более строгих голландских кальвинистов, придерживавшихся позиций Дордрехтского синода 1618–1619 гг., который был направлен против арминианства и сформулировал реформатские доктрины полной греховной развращенности человека, предопределения и ограниченного искупления. Эти положения никак не могли бы быть согласованы с предполагаемым спасением язычников, будь то Сократ или кто-либо еще.

^{XIV} Имеется в виду концертирующий музыкант Иоганн Фридрих Рейхардт (1752–1814). У его отца Иоганна Рейхардта (1720–1780) Гаман обучался игре на лютне [Purі, 1998, р. 505]. Таким образом, мальчик, можно сказать, вырос на глазах у Гамана. Теплые высказывания Гамана о «юном виртуозе» и о беседах с ним открывают нам Гамана, начинавшего свою карьеру в качестве частного учителя в дворянских домах Курляндии, как наставника и воспитателя молодежи.

^{XV} «Прочитавший сочинения о Сократе как сочинения о Сократе» [Эпиктет, 1997, с. 198]. Здесь важный методологический и герменевтический момент, который заключается в отношении к тексту. В предисловии к изданию греческого Нового Завета 1732 г. Альбрехту Бенгелю принадлежат знаменитые слова: «Te totum applica ad textum; rem totam applica ad te». Не подходить к тексту с заранее воспринятыми установками, но позволить вначале тексту оказать воздействие на читателя, вобрать текст в себя – таково понимание Гамана, основанное на его представлении об авторстве Бога. В «Сократических достопамятностях» Гаман упрекает Платона, добавившего к Сократу слишком много своего собственного (так что Сократ и не смог бы признать себя в его изложении), и ставит в пример упомянутого у Диогена Лаэртского Симона Кожевника, якобы понявшего Сократа лучше именно потому, что он не привносил собственных идей в процесс усвоения сократической мудрости [Hamann, 1950a, р. 65].

^{xvi} Хоть красотою он полных звезд светлее,
Ты ж споришь в легкости с древесного корой,
И злого Адрия причудливей и злее –
С тобой хотела б жить и умереть с тобой (лат.).

^{xvii} Не страшен мне Босфор фракийский,
Решусь идти на край земли
Песчаной степью ассирийской (лат.).

^{xviii} Отсылка к Мф 23:17: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас».

^{xix} Встретив знакомого раз из подвала идущего: «Славно!

Славно!» крикнул Катон, изрекая великое слово:
«Если гнусная похоть бушует в жилах, то лучше
Юношам спускаться сюда, не вводя в искушение
Жен чужих (лат.).

^{xx} Друзья мне любезно

Все простят, в чем я по глупости мог провиниться,

Я ж в свою очередь им прегрешенья оставлю охотно (лат.). (Hog. Serm. I III.)

^{xxi} Meister Hemmerling – палач. Здесь также игра слов, потому что выражение “meister Hämmerling” в немецком фольклоре использовалось в отношении горного духа, жившего в шахтах, а также в словоупотреблении того времени могло означать дьявола. Здесь завуалированный выпад против короля Пруссии в свойственной Гаману иронической манере обыгрывать парадоксы *in contrario*: дела противоположны декларациям. Поскольку дьявол – «отец лжи», провозглашаемая толерантность на деле оказывается заменой диктатуры авторитета церковной традиции новой диктатурой разума.

^{xxii} Имеется в виду сожженная по приказу Фридриха II «Диатриба доктора Акакия, папского лекаря» Вольтера, в которой едко высмеивался тогдашний президент Берлинской академии Пьер Луи де Мопертюи. В качестве фона здесь выступает вся история запутанных отношений короля-философа с королем философов, начиная от их взаимных восторгов и заканчивая обидами и разочарованиями, вынудившими в итоге Вольтера бежать из Сан-Суси.

^{xxiii} Велизарий (505–565) – военачальник Юстиниана Великого, называемый «последним римлянином». Одержал множество военных побед над врагами Византии в Азии, Европе и Африке, в результате чего Византийская империя достигла пика своего могущества. Гаман намекает на противоречие между декларируемым моральным универсализмом Просвещения и типичной эллинской ксенофобией в отношении варваров. В контексте XVIII в. здесь прослеживается критика претензий просветителей на собственную исключительность вместо того, чтобы прислушиваться и проявлять готовность научиться у других народов.

^{xxiv} Философский роман Жан-Франсуа Мармонтеля «Велизарий» 1767 г. подвергся критике со стороны Сорбонны ввиду декларируемой в нем толерантности в отношении религии. Под проповедниками Голландии и Германии имеются в виду представители рационалистической теологии и, в частности, естественной теологии, полагающие возможным опираться на природные силы человека (в первую очередь сам разум) для рассмотрения вопросов религии и теологии.

^{xxv} «внутри ... стен и за ними» (лат.).

^{xxvi} Очевидно, Гаман не может найти союзников как среди материалистических критиков христианства, так и среди придворных теологов или представителей естественной теологии, подменяющих понятия.

^{xxvii} Хотя Гаман может употреблять слово «политика» применительно к хозяйственной деятельности, здесь он выступает против того, как насаждаемое сверху изменение речевого употребления должно по замыслу просветителей привести к изменению самого мышления подданных Фридриха. Согласно Гаману, разум есть язык, проявляет себя посредством языка.

^{xxviii} Отучит народы от лживых мечтаний;

Их крики уймет (лат.).

^{xxxix} «А его общий стол (ὄμακοεῖον) напоминает то, что ныне нами называется церковью». Clem. Strom. I.15.

^{xxx} Возможно, намек на ведущего представителя идей Просвещения в среде иудаизма Мозеса (Моисея) Мендельсона, в орбите и под влиянием которого находился Эберхард. Также Гаман, судя по всему, подразумевает, что в просветительском новоязе придется говорить о «жрецах разума», используя для этого слово «священник» или подобное ему.

^{xxxI} В лютеранской догматике, которую здесь пытается отстаивать Гаман, ключевым положением было учение об оправдании только верой как *articulus stantis et cadentis ecclesiae*. Здесь Гаман как анонимный «священнослужитель из Швабии» ссылается на главную статью Аугсбургского вероисповедания об оправдании, где в 4-м артикуле говорится об оправдании «перед Богом» (*coram Deo*). Согласно этому пониманию, оправдание делами перед людьми (*coram hominibus*) возможно, но не перед Богом. В свою очередь, такая трактовка оправдания основывается на толковании Лютером и Меланхтоном послания к римлянам апостола Павла.

^{xxxII} Обращение Гамана к Цинцендорфу происходит по нескольким причинам. Он издавал с 1725 г. в Дрездене журнал на сократическую тему, материалы которого были далее сведены воедино в 1732 г. под названием «*Der Deutsche Sokrates*» – так иногда называли и самого Цинцендорфа. Цинцендорф был известен как одна из ведущих фигур пиетистского движения, поэтому Гаман берет его в союзники ввиду того, что его самого обвиняют как раз в энтузиазме. Показательно, что «немецким Сократом» называли и рационалистического философа Мендельсона.

^{xxxIII} Пожиратель книг (лат.). Любопытно, что тративший почти все средства на приобретение новых книг Гаман вполне мог бы быть удостоен такого титула. Однако, в его случае чтение и размышление не были отделены от самого образа жизни.

^{xxxIV} В написанном немногим ранее *Au Salomon de Prusse* Гаман иронически спрашивает, где храмы, алтари и священники, поставленные на религию верховного правителя Пруссии. Риторически оказывается, что без них не обойтись, потому что декларируемое далее стремление просветителей основываться исключительно на внутреннем понимании и расположении духа и сердца на деле не работает [Hamann, 1951a, p. 57].

^{xxxV} Типичное для Гамана противопоставление конкретных вещей и конкретного существования человека пустым и выхолощенным абстракциям.

^{xxxVI} Не помня о щитах, забыли имя, тогу ... Весты ... вечный.

^{xxxVII} Само появление Новой апологии Эбергарда обязано его реакции на критику голландским реформатским теологом Петером Хофстеде пятнадцатой главы вышеупомянутого романа Мармонтеля, в которой говорилось как раз о добродетели благородных язычников независимо от их религиозной веры. Эбергард выступает в защиту толерантности и против кальвинистской теологии Хофстеде, отстаивая спасение язычников на примере Сократа.

^{xxxVIII} Но зато весь дом и соседство видит, как гнусен

Внутренне он, хотя представителен шкуркой красивой.

Ежели скажет мне раб: «Ведь я не вор и не беглый»,

То скажу: «Ты тем награжден, что не сечен ремнями».

«Я не убийца». «Не быть на кресте тебе воронам пищей».

«Честен я, добр»; покачав головой, не согласен Сабинец (лат.).

^{xxxIX} В этой очевидной отсылке к средневековой легенде об ослеплении Велизария Гаман преследует двоякую цель. С одной стороны, «непросвещенный» в гамановском смысле (т.е., не принявший приоритет религиозной веры) деятель Просвещения подобен узнику платоновской пещеры, который видит только тени, но не имеет света религиозного откровения. С другой, знающие истинное положение вещей с иронией относятся к провозвестникам истин разума.

^{XL} Лк 6:39: «Сказал также им притчу: может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму?»

^{XLII} Учение о Троице на основании Никейского символа («афанасьевская система») – первый артикул Аугсбургского исповедания 1530 г. «Африканская догма удовлетворения через посредника» – учение Св. Августина о благодати, направленное против Пелагия, который утверждал автономность человека в деле спасения. Пелагиане были осуждены на третьем Вселенском соборе в Эфесе 431 г. Гаман иронически называет деятелей Просвещения новыми пелагианами, которые полагают, что смогут попасть на небеса с помощью собственных ног (интересно, что примерно в это же время появляется история о бароне Мюнхгаузене, который сам себя вытащил за волосы из болота). В целом в тексте Гаман подразумевает классический протестантский корпус теологии, в котором последовательно раскрываются темы Бога (Троицы), христологии и спасения (благодати).

^{XLIII} Роберт Саут (1634–1716) – английский теолог, запомнившийся современникам своим саркастическим остроумием.

^{XLIII} Энтони Коллинз утверждал, что «Сократ был божественнейшим человеком его времени, когда-либо являвшимся в мире язычников... величайшим вольнодумцем (*free-thinker*)» [Collins, 1713. p. 123].

^{XLIV} ... если какой человек и заслуживал, чтобы ему отказали в обыденных благах воздуха и воды, так автор «Беседы и свободомыслия». Гардиан, № 3. «Все спасающиеся философией, спасаются посредством Сократа». Юлиан Фемистию.

^{XLV} Но к лире легкой это подходит ли?

Куда ты, Муза? Брось же, настойчиво

Слова богов передавая,

Слабым стихом умалять величье (лат.).

^{XLVI} «Сам же похабнее всех безобразников школы Сократа». Ювенал, Сатиры, Книга I, Сатира 2.

В «Сократических достопамятностях» Гаман упоминает о «платоническом Шефтсбери», прикрывающем свою ложную веру [Namann, 1950a, p. 61], и выставляет себя его антиподом. Энтони Эшли Купер, третий граф Шефтсбери (1671–1713) – деятель раннего Просвещения, последователь кембриджских платоников, оказавший значительное влияние на многих мыслителей XVIII столетия. В Германии, в частности, его воздействие испытали на себе Мендельсон и Лессинг. Шефтсбери уделял значительное внимание вопросам естественной теологии, утверждал добродетельную природу человека, выступал за веротерпимость и против религии откровения и любых форм фанатичного энтузиазма. Посредством цитаты из Ювенала Гаман скорее всего обыгрывает эстетику Шефтсбери, в частности, его рассуждения о красоте.

^{XLVII} «... заняться

Всем, что будет равно беднякам и богатым полезно,

Чем нельзя без вреда пренебречь ни юным, ни старым» (лат.).

^{XLVIII} Еще один пример гамановской иронии. Гаман представляет деятелей Просвещения, поставивших разум в центре дискурса, как поддавшихся порыву страстей, которые они не могут контролировать. Он уподобляет их влечение находящимся в состоянии течки животным (*brünstig scheinen*), а также «сынам Божьим» из Быт 6:2, 4, которые брали себе в жены всех, кого хотели, в результате чего умножилось зло.

^{XLIX} Еще ли рассуждают они о нравовучении?

О, ты, любовь окровавленная!

О Творец нового нравовучения для человека!

Первейший закон нравовучения есть любовь к Тебе.

Хотя б они были премудры как Сократ

(да и никто из них в великой славе сей уступить не хочет)

Однакож без сей любви

Были бы глупцами нынешнего света [Юнг, 1785].

Гаман, с его преувеличенным вниманием к чувственно-воспринимаемому, ссылаясь на английского поэта-сентименталиста Юнга также и в первой своей работе 1759 г. [Namann, 1950a, p. 61].

Список литературы / References

- Гете, И. В. (1976). *Из моей жизни. Поэзия и правда*. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. М.
Goethe, J. W. (1976). *From my Life: Poetry and Truth*. Works in 10 vols. Vol. 3. Moscow.
(In Russ.)
- Гильманов, В. Х. (2003). *Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение*. Калининград.
Gilmanov, V. Kh. (2003). *J. G. Hamann's Hermeneutics of the «Type» and the Enlightenment*. Kaliningrad. (In Russ.)
- Гильманов, В. Х. (2013). *И. Г. Гаман и И. Кант: битва за чистый разум*. Калининград.
Gilmanov, V. Kh. (2013). *J. G. Hamann and I. Kant: Fight for a Pure Reason*. Kaliningrad.
(In Russ.)
- Лосев, А. Ф. (2000). *История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон*. М.
Losev, A. F. (2000). *History of Ancient Aesthetics. Sophists. Socrates. Plato*. Moscow. (In Russ.)
- Фет, А. А. (1856). *Гораций: оды*. В 4-х кн. СПб.
Fet, A. A. (1856). *Horace: Odes*. In 4 books. St. Petersburg. (In Russ.)
- Цицерон, М. Т. (1972). *Три трактата об ораторском искусстве*. Ред. М. Л. Гаспаров.
M. Cicero, M. T. (1972). *Three Works on Oratory*. Gasparov, M. L. (ed.). Moscow. (in Russ.)
- Эпиктет. (1997). *Беседы Эпиктета*. М.
Epictetus. (1997). *Discourses*. Moscow. (In Russ.)
- Юнг, Э. (1785). *Плачь Эдуарда Юнга, или ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии*. Ч. I. 2-е изд. М.
Young, E. (1785). *The Complaint of Edward Young, or the Night Thoughts on Life, Death, and Immortality*. Pt I. 2ht ed. Moscow. (In Russ.)
- Brose, T. (2006). *Johann Georg Hamann und David Hume. Metaphysikkritik und Glaube im Spannungsfeld der Aufklärung*. Frankfurt am Mein. Peter Lang.
- Böhm, B. (1966). *Sokrates im achtzehnten Jahrhundert*. 2 Auflage. Neumünster.
- Collins, A. (1713). *A Discourse of Free-thinking*. London.
- Eberhard, J. A. (1772). *Neue Apologie des Sokrates, oder Untersuchung der Lehre von der Seligkeit der Heiden*. Berlin. Stettin.

Hamann, J. G. (1950a). Sokratische Denkwürdigkeiten. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Bd. 2. Schriften über Philosophie, Philologie, Kritik: 1758-1763*, 2.57-82. Wien. Herder. Pp. 57-82.

Hamann, J. G. (1950b). Wolken. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Bd. 2. Schriften über Philosophie, Philologie, Kritik: 1758-1763*, 2.57-82. Wien. Herder. Pp. 83-109.

Hamann, J. G. (1950c). Aesthetica in nuce. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Bd. 2. Schriften über Philosophie, Philologie, Kritik: 1758-1763*, 2.195-217. Wien. Herder. Pp. 195-217.

Hamann, J. G. (1951a). Au Salomon de Prusse. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritischen Ausgabe von. J. Nadler. Bd. 3. Schriften über Sprache, Mysterien, Vernunft: 1772-1788*. Wien. Pp. 55-60.

Hamann, J. G. (1951b). Beylage zu Denkwürdigkeiten des seligen Sokrates. In *Sämtliche Werke. Historisch-kritischen Ausgabe von. J. Nadler. Bd. 3. Schriften über Sprache, Mysterien, Vernunft: 1772-1788*. Wien. Pp. 111-121.

Hamann, J. G. (1957). *Briefwechsel. Bd. 3*. Ziesemer, W. und Henkel, A. (hrsg.). Wiesbaden. Insel.

Leibrecht, W. (1957). *Gott und Mensch bei Johann Georg Hamann*. Gütersloh.

Nadler, J. (1949). *Johann Georg Hamann 1730-1788: Der Zeuge des Corpus mysticum*. Salzburg.

O'Flaherty, J. C. (1979). *Johann Georg Hamann*. Boston.

Pupi, A. (1998). *Johann Georg Hamann. Vol. 3. Pelicanus solitudinis 1763-1773*. Milano.

Shemwell, C. V. (2024). *The Hero of Enlightenment Stood on His Head: A Study of the Eighteenth-Century Struggle Against Traditional Lutheran Catechesis and Johann Georg Hamann's Defense in Three Socratic Texts*. Fort Wayne.

Сведения об авторе / Information about the author

Стрельцов Алексей Михайлович – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>

Статья поступила в редакцию: 12.08.2024

После доработки: 20.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

Streltsov Alexey – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: streltsov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1116-1884>

The paper was submitted: 12.08.2024

Received after reworking: 20.09.2024

Accepted for publication: 30.09.2024